

LE MESSEAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

126

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 126

TRIMESTRIEL

III - 1978

О ГАРВАРДСКОЙ РЕЧИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Солженицын не только писатель, но, как и его великие предшественники XIX века — Гоголь, Достоевский, Толстой, он одарен еще и пророческим даром, пророческой харизмой. Что превращает писателя в пророка? Прежде всего, соотнесенность его слова высшей Ценности, понятой как безусловное нравственное веление. Но право пророчествовать, данное Богом, надо еще закрепить. Как Достоевский, Солженицын заплатил за это право годами страданий, а после выхода из лагеря тем, что целиком отдал себя, свою жизнь, свое творчество — служению.

Гарвардская речь принадлежит к роду пророческих выступлений Солженицына. Как пророки Ветхого Завета, хотя и в несколько ином, более политическом ключе, Солженицын обращается к своим современникам на Западе с беспощадной критикой и с призывом измениться, переродиться, чтобы избежать полного исторического крушения. И в этом бичевании западных пороков, сопряженном с призывом вверх, есть своя пророческая непреложная правда, с которой не поспоришь. Правда Гарвардской речи не столько в тех или иных конкретных обличениях, сколько именно в этом экзистенциальном соотношении пророка и реальности. В каком-то смысле подлинный пророк всегда в целом и в основном — прав, даже если в частностях не справедлив. Более того, пророк вероятно всегда отчасти несправедлив, и тем не менее, в ином, надмирном плане, прав.

Безусловно, западные страны не на высоте своего призвания, безусловно, им угрожает гибель от внешней грубой силы, безусловно, им необходимо отрясти засасывающую тину комфорта, самоуслаждения и обратиться вверх.

И голос Солженицына раздается тем громче, что на Западе упадок религиозного сознания повлек за собой и угасание пророческого слова. Пожалуй, последним пророком на Западе был французский католический писатель Ж. Бернанос, который с неистовством призывал своих современников очнуться от духовной спячки, пока не поздно. Но голос Бернаноса редко когда перелетал за пределы Франции. Солженицын же восстановил пророческое измерение писателя во всемирном масштабе.

Обличая Запад, Солженицын продолжает длинную, полутора-равековую традицию русской общественной мысли. Уверенность, что начала западной философии губительны для человечества, восходит ко временам французской революции. Известный масон-мистик Иван Лопухин писал в конце XVIII столетия: «Дух ложного свободолюбия сокрушает многие в Европе страны», и это изречение Солженицын мог бы поставить эпиграфом к своей речи. Именно «ложное свободолюбие», а не драгоценный дар свободы усматривает он на Западе. Поразительны совпадения с речью Солженицына в «Русских Ночах» кн. Одоевского. Уже тогда казалось, что «Запад гибнет», что в своем «материальном опьянении» он эгоистически забывает о главном. «Говорят о всеобщей воле, пишет Одоевский, а дело идет о выгоде нескольких купцов или, если угодно, акционерных компаний.» Ср. Солженицынскую критику нефтяных компаний, которые «покупают изобретение нового вида энергии, чтобы ему не действовать». В сходных выражениях обличают Одоевский и Солженицын западного журналиста, хотя между ними 150 лет сложной и бурной истории. У Одоевского: «журналист на Западе до истощения сил уверяет в своем беспристрастии, но все его читатели хорошо знают, что во вчерашнем заседании акционерной компании журналу определено быть того мнения, а не иного». У Солженицына: «у западной прессы в целом тоже обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть и общекорпоративные интересы...»

В нападках на юрицизм на общество, «ставшее на почву закона, но не выше», Солженицын очень близок, вероятно сам того не зная, к Ивану Аксакову, писавшему сто лет назад: «На Западе душа убывает, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутреннее побуждение регламентами, даже благотворительность превращается в механическое дело. Запад потому и развил законность, что чувствовал в себе недостаток правоты».

Можно было бы продолжить эти сопоставления, и найти у Герцена, Леонтьева, Розанова, а затем у Бердяева немало точек соприкосновения с Гарвардской речью, например, в отталкивании от демократии как от царства посредственности, в осуждении западной мягкотелости и т. д. Нам хотелось только подчеркнуть устойчивость в восприятии, вернее в неприятии Запада русским

духом, русской общественной мыслью, с конца XVIII века вплоть до наших дней.

Однако далекие предшественники Солженицына имели перед ним одно преимущество: они противопоставляли гниющему (Шевырев), гибнущему (Одоевский) Западу русскую самобытность, крестьянскую общину, народ еще не тронутый неверием, силу религиозного быта и мистических традиций. А что теперь противопоставить Западу?

Запад может быть и гниет, может быть и гибнет, однако первой пала, пусть отравленная западными ядами, не западная страна (в Солженицынском смысле), а Россия, которая вплоть до 1905 года, а то и 1917 года, не знала ни «ложного свободолюбия», ни избытка свободы, ни избытка правового сознания. (В еще большей степени это можно сказать о второй жертве западных ядов, Китае). В этой невозможности противопоставить худому Западу нечто реально или потенциально лучшее — ахиллесова пята Гарвардской речи. Правда, дважды Солженицын пытается найти в русской реальности признаки превосходства. «Странно, говорит он, вот на Западе достигнуты наилучшие социальные условия — а преступность несомненно велика и значительно больше, чем в нищем и незаконном советском обществе...» Но соответствует ли эта оценка истине? Если верно, как утверждают все, что в Советской России распространяется повальное пьянство, захватившее и детей, если верно, что повсюду царит взяточничество и коррупция, если ежегодно выносятся несколько сотен смертных приговоров, то можно ли говорить о том, что преступность в Советской России значительно меньше, чем на Западе? И почему так старательно скрываются в СССР точные данные о преступности, которые позволили бы научно сравнить нравственное состояние разных стран? Наличие преступности при хороших, даже оптимальных социальных условиях просто свидетельствует о несводимости ее к социальным факторам. Греховность человека не изгнать достатком, она — духовного свойства, но вряд ли «духовно опустошенный» человек в советских государствах менее греховен, менее склонен к преступности. Или тогда «духовная опустошенность» остается без последствий?

И еще один как бы несомненный факт превосходства над Западом отмечает Солженицын: расслабление характеров здесь и укрепление их на Востоке: ...«сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучно регламентированная жизнь Запада». Это

несомненно так, когда смотришь на самого Солженицына, это быть может и так в ряде других случаев, но верно ли это утверждение в обобщенном смысле? И на десятки сильных характеров сколько приходится слабых, затертых, исковерканных «сложно и смертно давящей жизнью». Да, испытания закаляют людей, войны и революции выдвигают сильные личности (и на Западе тоже), но ведь нельзя же ради этого желать «смертной жизни»? И опять-таки, как при духовной опустошенности вырабатываться сильным характерам? Получается так: если на Западе человек слаб, то это в силу царящей там системы, если человек в России силен, то это вопреки враждебному ему строю. А что будет с русским человеком, когда Россия, как мы все надеемся, пойдет по пути более ровному, более благополучному?

Не трудно подвергнуть критическим замечаниям еще и другие пункты Гарвардской речи. Не утопично ли думать, что социальные отношения между людьми с одной стороны, между индивидом и государством с другой, можно урегулировать иначе, чем через разработанную сеть законов? Как оградить человека от собственной его греховности, как обеспечить его неприкосновенность от всемогущего в наши дни государства иначе, чем через правовое сознание? Ведь сама Церковь, призванная являть спасенное общество, и та неизбежно выработала правовые отношения, «каноническое право», хотя она, в идеале, знает лишь власть любви и даже знание возвела в любовь.

И тем не менее наша критика бессильна против основной, нутряной правды Гарвардской речи. Не анализ западных слабостей в ней убеждает, а призыв, устремление, пророческий пафос. На таком языке, на таком моральном уровне, сегодня с Западом никто не смеет или не хочет говорить.

«Зачем пророчествует одна только Россия?» спрашивал себя Гоголь. И отвечал сам себе: «Затем, что она сильнее других слышит Божью руку на всем и чувствует приближение иного царства».

Таким русским пророческим духом и является Солженицын. Его критика Запада объясняется тем, что он из тех редких избранных, которые сильнее других слышат Божью руку в истории, да и саму историю измеряют мерою иного царства.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции: К юбилею Льва Толстого — Н. Струве	3
БОГОСЛОВИЕ	
Из духовных бесед — Преп. Макарий Египетский	5
Из слов о Царстве Небесном — свящ. Дм. Дудко	9
Вступление в Церковь — прот. Н. Афанасьев	22
К спору о старообрядчестве — иеромонах Хризостом	42
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Полдень в комнате. (Стихи) — И. Бродский	47
Из узла II, "Октябрь 1916" — А. Солженицын	53
Неизданное. "Опавшие листья" — В. Розанов	78
Постижение. (О творчестве В. Максимова) — В. Иверни	103
■ В мире книг	
Откровение в истории — Ф. Разумнов	124
Духовный мир Д. П. Кончаловского — еп. Александр (Семенов-Тянь-Шанский)	130
ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ	
Православное церковное пение в его историческом развитии — свящ. Н. Трубецкой	132
СУДЬБЫ РОССИИ	
Россия и Советский Союз — А. Безансон	149
П. Б. Струве о русской революции — Р. Пайпс	166

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Россия в отрицательно-мистическом освещении — И. Иловайская	193
О Гарвардской речи А. Солженицына — Н. Струве	207
Национальное и вечное — прот. К. Фотиев	211
Два интервью — И. Шафаревич	219
■ Истоки духовного возрождения	
История одной жизни — Н. Ю. Фиолетова	231
■ Борьба за церковь	
Обращение к Патриарху константинопольскому Димитрию — Христианский комитет защиты прав верующих	259
Обращение к Патриарху Московскому Пимену — Христианский комитет защиты прав верующих	269
Декларация об образовании Группы ВЦВАСД по правовой борьбе и расследованию преследования верующих в СССР	272
Собранность и трезвение — Г. К. Никитин	275
■ 60 лет противостояния насилию	
Понятие демографической революции и социализм — М. Бернштам	284
Заявление для прессы — Свящ. Глеб Якунин	303
Памяти ушедших	
Н. С. Арсеньев — А. Биншток	305
О. А. Шор — Прот. К. Фотиев	307
Письма в редакцию	
Возрождение православия в России	309
По поводу статьи И. Шафаревича — А. Бахрах	310
К выходу Собрания Сочинений А. Солженицына — Предупреждение автора	311

SOMMAIRE

	Pages
A nos lecteurs : Pour le jubilé de L. Tolstoï	3
THEOLOGIE	
Homélie spirituelle — Saint Macaire d'Egypte	5
Sermons sur le Royaume Céleste — P. D. Doudko (U.R.S.S.)	9
De l'entrée dans l'Eglise — † P. N. Afanassiev	22
A propos du débat sur les vieux-croyants — P. Chrysostome	42
LITERATURE ET VIE	
Poèmes : « Midi dans la chambre » — I. Brodski	47
Extrait du deuxième Nœud : « Octobre 16 » — A. Soljénitsyne ..	53
Pages inédites : « Les feuilles mortes » — V. V. Rozanov	78
L'œuvre de V. Maximov — V. Iverni	103
■ Bibliographie	
Révélation dans l'histoire — Razoumnov (U.R.S.S.)	124
Le monde spirituel de D. P. Kontchalovsky — Mgr Alexandre (Semenoff)	130
ART ET VIE	
Evolution historique du chant orthodoxe — † N. N. Troubetskoy (U.R.S.S.)	132
DESTINEES DE LA RUSSIE	
Russie et Union Soviétique — A. Besançon	149
P. B. Struve et la révolution russe — R. Ripes	166

	Pages
« L'Histoire de la Russie » de Richard Pipes — I. Ilovaïsky	193
Le discours de Harvard d'Alexandre Soljénitsyne — N. Struve ..	207
Le « national » et l' « éternel » — P. C. Fotiev	211
Deux interviews — I. Chafarévitch (U.R.S.S.)	219
AUX SOURCES DE LA RENAISSANCE SPIRITUELLE	
Histoire d'une vie — N. Fioletova (U.R.S.S.)	231
■ Lutte pour l'Eglise	
Appel du Comité chrétien pour la défense des droits des croyants au Patriarche de Constantinople Dimitri	259
Appel du Comité chrétien pour la défense des droits des croyants au Patriarche de Moscou Pimène	269
Déclaration du groupe VTsVSASD pour la lutte et l'étude des persécutions des croyants en U.R.S.S.	272
Sobriété et recueillement — G. Nikitine (U.R.S.S.)	275
■ 60 ans d'opposition à la violence	
La notion de révolution démographique et le socialisme — M. Bernstam	284
Communiqué à la presse — P. G. Yakounine (U.R.S.S.)	303
In memoriam	
N. S. Arseniev — A. Binstock	305
O. A. Chor — P. C. Fotiev	307
Lettres de lecteurs	
Renaissance de l'Orthodoxie en Russie	309
A propos de l'article de Chafarévitch — A. Bakhrakh	310
A l'occasion de la parution des Œuvres Complètes d'A. Soljé- nitsyne — Avertissement de l'auteur	311